

УДК 271.21:726.71(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.21

И. А. Мельников

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СТАРОЙ РУССЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ*

Аннотация. В статье впервые излагается история старообрядческого монастыря-богадельни Старой Руссы в конце XVIII – первой пол. XX в. На основе источников также дается характеристика культурной жизни монастыря, который был значимым узлом в сети старообрядческих «святых мест» региона. Материалом исследования послужили документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника и опросы, произведенные автором в 2015–2020 гг.

Ключевые слова: старообрядчество, святые места, иночество, Новгородская область.

Abstract. In the article at the first time the history of Old Believer Monastery and Almshouse in Staraya Russa at the end of the 18th – first half of the 20th century is highlighted. According the sources the characteristic of a cultural life of the Monastery is made, which was the significant point in the network of Old Believers’ “sacred places” of the region. The materials of research are the documents of Russian state historical archive, Russian state archive of the ancient acts, The Department of the written sources of The National Museum complex in Veliky Novgorod, and the results of the field research, which were made by the author in 2015 – 2020.

Keywords: Old Believers, sacred places, monasticism, Novgorod region.

Традиции монашеской жизни старообрядцев европейской части России до сих пор являются своего рода terra incognita отечественного религиоведения. В настоящее время появляется все больше работ, посвященных истории развития, духовной жизни и культуре городских

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-312-60001 «Искусство средневекового Новгорода в контексте старообрядческой культуры XVIII–XX вв.: предметы из собрания общин старообрядцев Северо-Запада в коллекции Новгородского государственного объединённого музея-заповедника»

старообрядческих скитов и монастырей. В основном, они касаются крупных общероссийских центров «старой веры» – Преображенского монастыря в Москве, Малоохтинской и Волковской богаделен Санкт-Петербурга, Гребенщиковской общины в Риге и др. При этом история менее значительных региональных центров не так богата историографией, несмотря на то, что они являлись важной частью своеобразной сети «святых мест» старообрядчества.

В настоящей статье мы предпринимаем попытку комплексного описания истории Старорусской богадельни (или монастыря, как она именуется в ряде источников). Являясь крупным центром старой веры на Северо-Западе, обитель была важным духовным, коммуникативным, культурным и образовательным узлом для старообрядцев не только Новгородской, но и Санкт-Петербургской, Тверской и Псковской губерний. Дополнительного внимания история этого монастыря заслуживает и потому, что, несмотря на разрушение в результате военных действий в сер. XX в., он стал историческим предшественником Старорусской общины старообрядцев поморского согласия, которая продолжает существовать и в наши дни.

История Старорусской федосеевской обители зафиксирована в источниках разнообразного характера. Прежде всего, это различные прошения местных старообрядцев XVIII–XIX вв. и делопроизводственная документация, связанная с преследованиями за веру отдельных наиболее выдающихся насельников, а также попытками церковных и светских властей закрыть монастырь в XIX в. Корпус этих документов рассеян в различных фондах Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива древних актов. Не менее интересные, хоть и фрагментарные сведения, характеризующие культуру и традиции Старорусского монастыря, имеются в Отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника. Прежде всего, это документы (письма), принадлежавшие старообрядческому книжнику Прокофию Даниловичу, а также переписанные им рукописные сборники. Изредка информация о Старорусской федосеевской обители попадала на страницы дореволюционных изданий. Впрочем, эта информация отличается тенденциозным характером и пронизана миссионерско-пропагандистским пафосом. Наконец, историческая память о старообрядческом кладбище и моленной нашла свое отражение в устных нарративах жителей Старой Руссы и прихожан Старорусской поморской общины, записанных автором в 2015–2020 гг.

История возникновения и существования Старорусского старообрядческого монастыря в кон. XVIII – нач. XX в.

Начальной точкой отсчета в истории старообрядческой богадельни Старой Руссы можно считать 24 марта 1787 г. В этот день Старорусское уездное правление повелело погребать «в расколе умирающих» в особом месте за городской чертой (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 4

об.). По данным архимандрита Макария (Миролюбова), до этого «раскольников» погребали в месте, называвшемся «шабанов крест», где также находили последнее пристанище казнённые преступники, люди, умершие насильственной смертью, самоубийцы и прочие «нехорошие» покойники (Макарий (Миролюбов), 1866. С. 35). Лишь благодаря указу 1787 г. старорусские староверы обрели собственное кладбище. В 1790 г. орденом губернатора Н. П. Архарова была дозволена постройка на кладбище двух изб с сенями, однако по какой-то причине строительство так и не началось (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 4 об. –5). Стоит сказать, что постройка подобных часовен при кладбищах вполне вписывалась в общие тенденции посл. четв. XVIII в. Таким образом возникли, например, Преображенское и Рогожское кладбища в Москве (1771 г.), старообрядческое кладбище в Тихвине (1767 г.) и многие другие городские общины, ставшие в дальнейшем крупными центрами старой веры.

Вероятнее всего, задержка в организации постройки была вызвана внутренними разногласиями в беспоповском направлении старообрядчества, которое было наиболее многочисленным на Северо-Западе. Об этом свидетельствуют дальнейшие перипетии при организации богадельни старорусских староверов. В 1801 г. местный купец Марк Коростынский подал Новгородскому губернатору прошение с просьбой «построить на кладбище нашем больницу с молитвенным храмом /или так называемую моленную/ для свободного отправления богослужения нашего по старопечатным книгам, вечерню, заутреню, часы и прочитание за усопших и за здравие по обыкновению и долгу христианскому псалтыри и канонов» (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 4–4 об.). В качестве примера, Коростынский приводил такие же моленные, появившиеся в годы смягчения государственной политики относительно «раскольников»: «на основании как в поморских странах или же сравниваясь во всех содержаниях наших единогласно с московскими как у Ильи Алексеева и с Санкт Петербургскими как у купца Филипа Косцова» (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 4). Светское начальство решило посоветоваться в таком важном вопросе с духовенством. Новгородский митрополит Амвросий (Орнатский) лично имел собеседование с М. Коростынским и в целом не возражал против открытия моленной, но с оговорками. В частности, он настаивал, чтобы деятельность староверов находилась постоянно под присмотром полиции. Это было необходимо «для отращения повода многим просить подобно к унижению господствующей веры» (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 6).

В 1802 г. повторное прошение об открытии моленной «для поминовения по умерших, и больницы для пропитания бедных и престарелых сирот», с обязательством содержать их за свой счет, «дабы избавиться могли они бедные сироты своея нищеты и прискорбности», подали купец Антон Яковлев Ватагин и мещанин Семен Михеев Лодыгин (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 7–8). Они также ссылались на пример

аналогичных заведений в Москве и Петербурге. Казалось бы, все могло благоприятствовать удовлетворению этого ходатайства. В указанное время, по отзыву Старорусского епископа, большая часть горожан значилась паствой государственной церкви, но приобщалась к евхаристии редко «по древним закоسنелостям», и многие открыто принимали перед смертью старообрядчество (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 13). Не менее красноречиво свидетельство городничего: «в городе ему веренном большая часть из граждан все старообрядцы, и при том все почти первостатейные и богатые купцы» (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 14). Однако устройство моленной на кладбище натолкнулось на неожиданное сопротивление старорусского купечества, очевидно, принадлежавшего к другой группировке старообрядчества.

Именно «первостатейные купцы» выступили противниками организации богадельни. Когда в Городническом правлении спросили, поддерживают ли они начинание А. Ватагина и С. Лодыгина, представители купечества наотрез отказались, сказав, что не имеют надобности в таком заведении. Более того, старообрядческий уездный истеблишмент даже заявил, что «просители никакова не имели от всего общества на прозбу их доверия и согласия, а ежели и были некоторые с ними в согласии, то люди по городу не значущие, из лучшего же купечества никто с ними согласен не был» (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 15). Это можно объяснить лишь одним – большинство старорусских купцов были настороженно настроены относительно своих московских собратьев.

Незадолго до этого, в 1781 г., старорусские федосеевцы разделились с московскими по вопросу почитания крестов с так называемой «пилатовой титлой» – надписью «ИИЦІ» на верхней перекладине креста. Феодосий Васильев, его сын Евстрат и новгородский наставник Алексей Самойлов полагали, что поклоняться можно только крестам, на которых имеется эта надпись. Московская Преображенская община, вслед за своим лидером Ильей Ковылиным, напротив, отошла от первоначальных позиций согласия, отвергнув почитание «пилатовой титлы». Однако многие федосеевцы не приняли этой реформы, дав начало новому направлению старообрядчества – титловщине. Это согласие было распространено как раз в местах первоначальной проповеди Феодосия Васильева, то есть в Новгородской и Псковской губерниях (Ивановский, 1887. С. 94; Мальцев, 2006. С. 165, 286). В частности, немало титловцев было среди староверов Старой Руссы еще в 1816 г. (РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 148 об.). Из старообрядческих и делопроизводственных источников известно и о существовавшей здесь общине филипповцев, которым благоволили купцы Бычатины (Филипповское родословие, 2004. С. 62).

По достаточно неточным данным М. Полянского, старорусские староверы в конце XVIII в. разделились на «московщинских» и «польских», при этом за «московщинскими» закрепилось название «Бычатинской половины» (Полянский, 1885. С. 169). Вероятно,

филипповцы Бычатины ориентировались на Братский двор в Москве, в то время, как федосеевцы Преображенского кладбища были вообще новыми людьми в этой местности и представляли третью сторону спора. Организация Старорусской федосеевской богадельни по образцу и, скорее всего, при поддержке Преображенской общины в Москве, не могла устраивать представителей других партий в старообрядчестве. Получая контроль над общим старообрядческим кладбищем, московские федосеевцы могли гораздо успешнее распространять свое учение. Поэтому проводники их интересов Ватагин и Лодыгин натолкнулись на сопротивление. Узнав о разногласиях среди староверов, Амвросий (Орнатский) также начал утверждать, что их прошение нужно оставить без последствий (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 17).

Окончательно сопротивление старорусского купечества и духовенства синодальной церкви было сломлено лишь в 1805 г., когда, после очередного прошения А. Ватагина, Новгородское губернское правление все же разрешило устроить богадельню на старообрядческом кладбище «за городовым валом» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 4–5 об.). Вероятно, тогда же и началось строительство. Старорусская обитель неоднократно упоминается в документах нач. XIX в., как важный региональный центр старой веры. В 1816 г. священник государственной церкви отмечал, что она пользуется покровительством градской полиции. К вящей ненависти священника особенной активностью в это время отличался «ядовитой наставник при часовенном кладбище» Федор Иванов Трусов, бывший прихожанин церкви Св. Мины (РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. Л. 165).

Несмотря на ограничительные законы Николая I и введение Военных поселений в 1817 г., штаб которых расположился в Старой Руссе, богадельня продолжала существовать и в это время. Она фиксируется в ведомостях 1826 г., а к 1835 г. в обители постоянно проживало 5 мужчин и 20 женщин (РГИА. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 85. Л. 428). Стоит отметить, что поселенческое начальство неодобрительно относилось к такому соседству. Несмотря на то, что во время принудительных «увещаний» сельские староверы отмечали в беседе с миссионером, что церковные и военные власти не трогают «городских» (Евстафьев, 1934. С. 109), жители богадельни могли быть свидетелями зверств против своих единоверцев со стороны полковника Манжоса и старшины Цебрикова. По их приказанию доставленных в город со всего уезда старообрядцев содержали в застенке, морили голодом и каждый вечер водили на водопой с веревками на шее через весь город (Евстафьев, 1934. С. 107–108). Не случайно в ходе известного восстания 1831 г. против военных поселений в Старой Руссе полковник, как «заклятый враг раскольников», погиб одним из первых от рук горожан: «Раскольники не

могли забыть, как Манжос водил их <...> по улицам города под конвоём с барабанным боем» (Бороздин, 1871. С. 12).

События 1831 г. и преследования старообрядчества со стороны администрации военных поселений наложили серьезный отпечаток на ментальность старорусских сторонников «старой веры». В 1853 г., когда поселения уже были заменены более мягкой формой округов пахотных солдат, чиновник Ю. К. Арсеньев отмечал: «Дух между военными поселянами-раскольниками, в особенности же в г. Старой Руссе, самый скверный, скажу более, опасный. Старорусцы буйны, непокорны и весьма склонны к пристаннодержательству». Опираясь на прошлый опыт, он рекомендовал действовать по отношению к ним осторожно и осмотрительно: «Каждое новое мероприятие относительно предметов веры должно быть вводимо отнюдь не круто; в особенности не стоит покуда трогать их молельню» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 433–433 об.).

В документах этого времени Старорусская богадельня именуется старообрядческим монастырем (рис. 1). Он располагался в полуверсте от города и занимал почти 1000 кв. саж. (около 2000 кв. м). Устройство обители в общих чертах передано планом, составленным чиновником Ю. К. Арсеньевым (рис. 1). Со всех сторон площадь была обнесена высоким деревянным забором с маленькими башнями по углам. «Войдя в главные ворота, глазам представляется обширный, чистый двор, посреди коего возвышается большое двухэтажное здание с высокою острокопечною крышею, видимою за несколько верст» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 434). В ней располагалась главная моленная и келья настоятеля. По сторонам от моленной (часовни) стояло семь изб с кельями матушек, а также кухня, столовая, кладовая и сарай. В монастырский комплекс входила также кладбищенская роща, которая примыкала к обители с восточной стороны. Она отделялась от основного пространства монастыря внутренней деревянной оградой. Также в роще стояли две небольшие избушки – вероятно, сторожки или часовни-мертвецкие.

Главная моленная разделялась на две части. Одна часть, в которой жил настоятель, имела два этажа. В другой части располагалось молитвенное помещение в два света с хорами. Внутри молитвенное пространство делилось резной перегородкой на две половины – мужскую и женскую. Вдоль стен располагались шкафы с книгами, скамьи, перед иконостасом – клиросы для певчих (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 434–434 об.). Все строение монастыря вызывало настороженность чиновника: «Келий много, выходов еще более; надзору мало или лучше сказать вовсе нет» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 436). При этом отмечалась особенная чистота двора, жилых и хозяйственных помещений.

Особенным авторитетом верующих пользовались матушки Авдотья Иванова и Хавронья Игнатьева (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 435 об. –436).

Легальный статус и рекомендации Ю. К. Арсеньева «не трогать покуда» моленных старорусских старообрядцев позволили монастырю успешно пережить царствование Николая I. Как отмечало духовенство государственной церкви, «до 1824 г. большая часть населения Старорусского уезда была в расколе, по учреждении же Военного поселения, вследствие принятия строгих принудительных мер к обращению в православие, раскольники стали наружно исполнять обряды Православия» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 14). Однако после принятия новых правительственных правил о «расколе» в 1858 г. староверы вновь стали открыто заявлять о себе. Даже искаженная официальная статистика отмечала существенные изменения в количестве старообрядцев: если в 1856 г. по всему уезду их числилось всего 109 человек, то к 1865 г. это количество равнялось 2591 человеку (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 15).

Своеобразная «оттепель» 1860-х годов стимулировала активность зажиточного старорусского купечества. По николаевскому законодательству, старообрядцам запрещалось ремонтировать молитвенные здания, построенные до 1826 г. В 1864 г. попечители старорусской богадельни, купцы II гильдии Петр Петров Соловухин, Максим Степанов Худяков и мещанин Григорий Федоров подали в МВД прошение о позволении заменить прохудившуюся крышу над зданием моленной. В указанное время власти уже хотели расселить богадельню, прикрываясь ее непригодностью для жилья. На данный период в ней проживало от 20 до 50 «старцев», которых Соловухин и Худяков обязывались и впредь содержать за счет старообрядческого купечества (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 1–2).

Министерство пошло навстречу. Не последнюю роль, вероятно, сыграл тот факт, что живших за счет общины стариков просто некуда было перевести, а на их содержание требовалось, по замечанию купцов, около 1000 рублей ежегодно. Несмотря на благоволение МВД, решительную позицию «против» занял Новгородский губернатор, действовавший с оглядкой на епархиальное духовенство. Он ссылаясь, в числе прочего, на епископа Ладожского Аполлоса (Беляева), который в своем письме метал громы и молнии в старорусских «раскольников». В частности, он указывал, что «дух раскола еще витает во многих первых купеческих домах» Руссы. По старой традиции, он обвинял староверов в политической неблагонадежности, говоря, что их используют в своих целях «заморские ренегаты». Упоминает он и «изделия Лондонской типографии», намекая на издания для старообрядцев народников Н. Огарева и В. Кельсиева. Грозные филиппики и пространные обобщения

сводились к одному – старорусским «раскольникам» ни в коем случае нельзя позволить перекрыть крышу над их богадельней, иначе все может обернуться политической трагедией для России (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 10–11 об.).

В результате противоборства лишь спустя два года волокиты МВД все же разрешило перекрыть крышу над той частью здания, где проживали люди, но не над самим молитвенным помещением (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 13 об.). Вероятно, окрыленный успехом Соловухин, совместно с новым компаньоном, купцом Иваном Агаповым Гвоздевым, в 1868 г. подал очередное ходатайство. На сей раз «заведующие» богоугодным учреждением просили перекрыть крышу над богадельней железом, а само здание выстроить в камне (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 34–34 об.). К прошению был приложен рисунок фасада богадельни (рис. 2) и план обители, составленный архитектором Р. Кржижановским (рис. 3). Необходимость перестроек объяснялась защитой от пожаров. Несмотря на то, что аналогичные прошения подавались купцами несколько раз вплоть до 1870 г., им все время отказывали (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 41–51 об.).

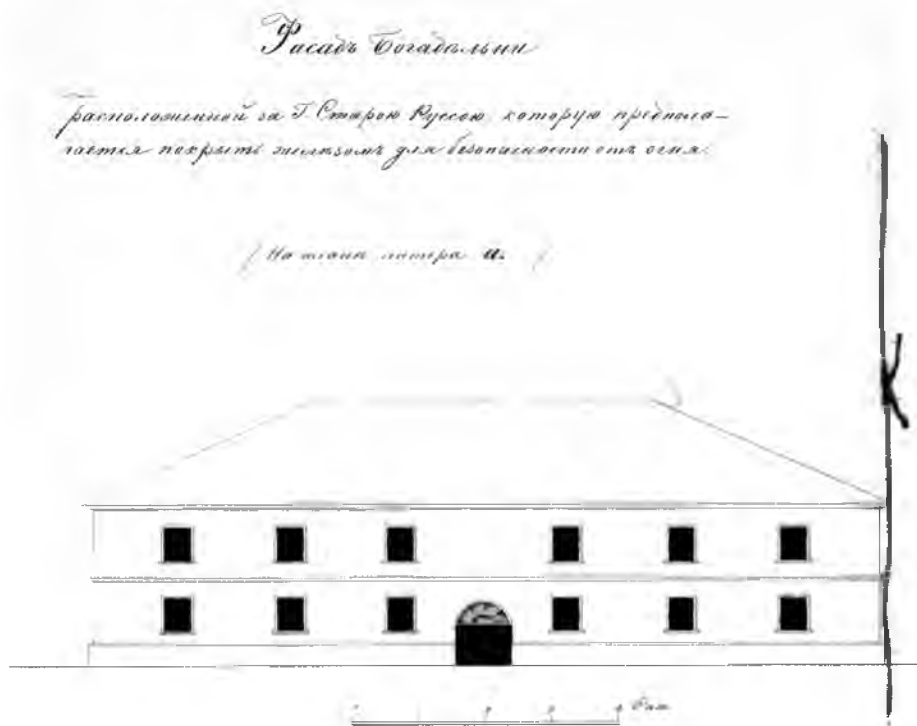


Рис. 2. Фасад старообрядческой богадельни в Старой Руссе, 1868 г.
(РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 53. Л. 35)

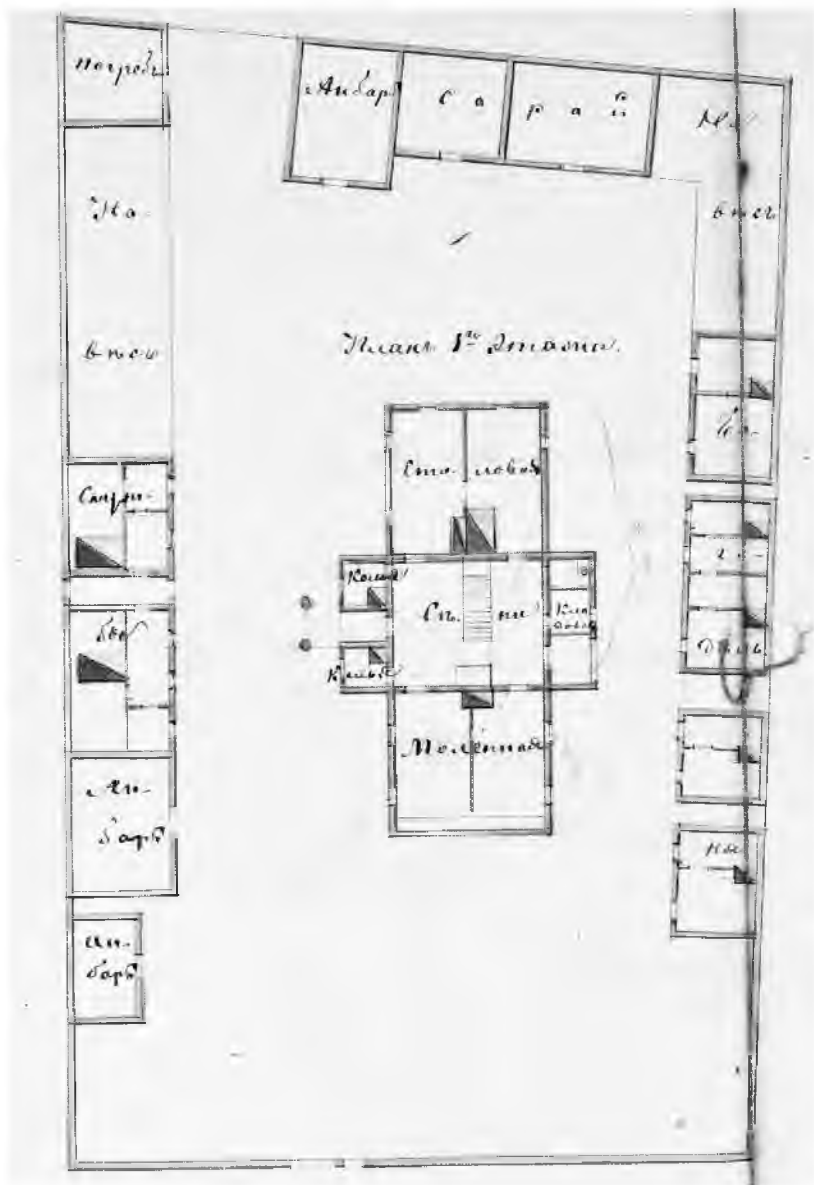


Рис. 3. План Старорусского старообрядческого монастыря, составленный архитектором Р. Кржижановским, 1868 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 53. Л. 30 об.)

Тем не менее, Старорусскому старообрядческому монастырю-богадельне удалось балансировать на грани закрытия все последние десятилетия XIX в. В 1880 г. Новгородская Духовная Консисто́рия выступила с ходатайством перед губернатором о закрытии моленной и конфискации из нее книг. Вновь духовенство с завидным упорством задействовало политическую аргументацию: кладбищенские наставни-

ки крестят детей лиц, формально значившихся по метрикам паствой государственной церкви. Это, по мнению духовных чиновников, «увеличивает массу пролетариев, людей без веры с задатками заблуждений, людей свободных от исполнения государственных повинностей» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 1). Несмотря на наветы духовенства, губернатор Э. В. Лерхе пришел к выводу, что закрывать моленную – противозаконно, так как она существует с высочайшего дозволения 1805 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 2). Более того, МВД даже не возражало против дозволения перекрыть часовню железом, только без огласки самого разрешения. Эту долгожданную мечту старообрядцев осуществил за свой счет проситель, старорусский купец II гильдии Петр Васильев Балахонцев (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 11–19).

В описываемое время в здании старинной двухэтажной моленной в одной из половин на первом этаже располагалась кухня и столовая богадельни, а на втором были жилые покои. Вторая половина включала молитвенный зал, вмещавший в себя до 150 человек по праздникам, причем большинство прихожан были старорусскими купцами и мешанами. В 1884 г. здесь постоянно проживало до 40 человек (Полянский, 1885. С. 170). Главным наставником значился Артемий Федоров (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 11 об.). Кроме него заслуженным духовным авторитетом пользовался старорусский мещанин Агапий Филиппов, в иночестве принявший имя Антония.

Агапий Филиппович родился в 1837 г. в д. Гачки Высоцкой волости Старорусского уезда. Изначально он был крещен в государственной Село-Снежской церкви, но с 1862 г. перестал посещать исповедь и причастие, перейдя в старообрядчество федосеевского согласия. Обязанности наставника, по его признанию, он исполнял с 1865 г. Неизвестно, с какого времени Агапий Филиппович стал проживать в Старорусской обители. Антистарообрядческий памфлет конца XIX в. содержит информацию, что уже в 1870-х гг. по настоянию старорусских купцов он переехал в монастырь. В этом сочинении, написанном от лица «обратившегося» в новообрядчество жителя Старорусского уезда, Агапий Филиппович описывается как строгий поборник «древлего благочестия», ориентировавшийся на отцов Преображенского кладбища. Его принципиальность привела к непродолжительному расколу среди старорусских староверов: пытаясь укрепить в обители московские порядки, он требовал отказа от распития чая и наложения епитимии на «новоженов» за вступление в брак и деторождение. Вынужденный покинуть на время монастырь, наставник вернулся туда по просьбе горожан, среди которых большинство были его духовными детьми и очень его уважали (Дмитриев, 1889. С. 278–283).

К 1880-му году Агапий Филиппович уже был приписан в старорусское мещанство, по-прежнему считался наставником при богадельне и совершал требы. С 1888 г. он подписывался под протоколами допросов

как «инок Антоний». Постриг Агапий Филиппович принял в Москве, вероятно, в Преображенском богаделенном доме, от старца Филарета, перешедшего в федосеевство из старообрядцев, «приемлющих Австрийское священство» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1934. Л. 89). Духовная деятельность старца приводила к постоянным конфронтациям с духовенством Греко-российской церкви.

Инока Антония активно преследовали за веру с начала 1880-х гг. по доносам Новгородской Духовной Консистории и старорусских священников. Основным обвинением было то, что он отпевал людей, номинально числившихся паствой государственной церкви, а также крестил их детей. Несмотря на давление, в 1882 г. он не стал давать полицейским подписку об отказе от требоисполнений, «так как он исполняет таковые по назначению и выбору общества» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 44). За принципиальную позицию Агапий Филиппович семь раз подвергался суду в период с 1888 по 1897 гг., при этом более двух месяцев ему довелось провести в тюрьме (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1910; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1912; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1915; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1934; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1942; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1946; РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1950).

Иногда конфликты с духовенством и полицией принимали драматический характер. В 1897 г. священник Ивановской церкви Астриловской волости Старорусского уезда Алексей Климовский узнал, что инок Антоний приехал отпевать в его селе крестьянку, числившуюся по метрикам прихожанкой Греко-российской церкви. Батюшка явился на отпевание в сопровождении сотского и понятых. В присутствии собравшихся над гробом крестьян он объявил, что «раскольнический» инок не имеет права отпевать умершую. После того, как водворилось тяжелое молчание, инок Антоний сказал: «я не могу отказать усердной просьбе родственников умершей <...> тем более, что умершая моя духовная дочь». Однако священник Климовский удалился лишь после того, как его прогнала дочь покойницы, сказав, что он может «доносить на нее кому угодно». Свидетели рассказывали на суде, что после ухода священника и понятых, инок Антоний сказал: «Смотрите, дети, не было бы нам худо за погребение, не пришлось бы отвечать». На это родственники заверили старца: «Отпой-то ты только, а отвечать мы готовы» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1942. Л. 54–55 об.).

Инок Антоний пользовался большим уважением среди своих подопечных. Вероятно, кроме иноческого чина, причиной тому была его принципиальность и авторитет страдальца за веру. Даже судебные и следственные документы он часто подписывал как «христианин Агап Филиппович», а под одним из них стоит еще более красноречивая подпись: «Христианин милостию Божию инок Антонии бывший Агапии

Филипович» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1895. Л. 90). Он был одним из немногих, кто осмеливался на открытое противостояние с духовенством и полицией. Его современники, наставник Старорусского монастыря, уроженец д. Валтошино Коростынской волости Евдоким Федоров Игнатъев и смотритель богадельни отставной кандидат Андрей Константинов, действовали более осмотрительно. В частности, вероятно, по договоренности с отцом Антонием, они всячески отрицали свою причастность к его «незаконным» требоисполнениям (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1895. Л. 89–89 об.). Официальное руководство монастырем возлагало на Игнатъева и Константинова дополнительную ответственность, поэтому они действовали менее открыто.

Эта осторожность помогла Старорусской богадельне пережить годы гонений. Первую старообрядческую общину зарегистрировали в 1907 г. именно в Старой Руссе. Правда, в ведомостях она отнесена к поморскому согласию, поэтому нельзя утверждать с точностью, идет ли речь о кладбищенской монастырской общине, либо о какой-то другой (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 444. Л. 191). Если имеется в виду именно кладбищенская обитель, то очевидно, что либо с 1900 по 1907 г. монастырь перешел в поморское согласие, либо название «поморская» для его руководителей не было тождественно «брачной», т. е. все же имеются в виду федосеевцы-«старопоморцы».

Как бы то ни было, Старорусский старообрядческий монастырь не закрывался даже в годы сталинского режима. Несмотря на отсутствие документов этого периода, освещающих его деятельность, о существовании монастыря и его внешнем облике в этот период известно по воспоминаниям редких информантов, переживших оккупацию Старой Руссы. В первой пол. XX в. в комплекс обители входила «огромная» моленная с куполом, сторожка-флигель, кладбищенская роща с отдельной часовней и купеческими склепами. Богомольцы собирались на праздники и в воскресные дни.

Моленная и часовня были разрушены попаданием снарядов при бомбежке города в начале войны. Стоит напомнить, что разрушению в 1941–1944 гг. подверглась едва ли не вся Старая Русса. Однако кладбище продолжало существовать, и еще в 1940-е гг. на нем по-прежнему хоронили, в том числе убитых немцев. В 1972 г. на месте кладбища решили устроить перевалочную базу. Оставшиеся в живых родственники имели возможность совершить перезахоронения родных на основном кладбище Старой Руссы. Однако многие «бесхозные» могилы подверглись разрушению. Вплоть до настоящего времени на территории «перевалки» имеется несколько каменных могильных плит (рис. 4), остатки от склепа и разрытые могилы. Также сохранилась аллея, некогда ведущая от моленной к кладбищу, и остатки фундамента часовни, над которыми ныне построен жилой дом.



Рис. 4. Надмогильные плиты, сохранившиеся на территории бывшего старообрядческого кладбища г. Старая Русса. Фото автора, май 2020 г.

Быт, книжность, культура

Старообрядческие городские монастыри-богадельни обладали специфическими чертами, не свойственными традиционным православным монастырям. Здесь могли проживать совместно мужчины и женщины, не все из постоянных насельников и даже руководителей общины являлись монахами. Жизнь под присмотром враждебных государственных ведомств диктовала потребность скрывать основную религиозную деятельность под второстепенными формами «богоугодного учреждения». При этом монастырь обеспечивал совершение обрядов далеко за своими пределами. В 1810-х гг. «градские» наставники совершали требы в дд. Заболотье, Дедова Лука, Хилово, Григорово и Гачки (РГИА. Ф. 815. Лп. 16. Д. 800. Л. 146 об.). В 1840 г. некий бобыль из Старорусского уезда по прозвищу Чекало обвинялся в распространении старообрядчества в Псковской губернии, а его деятельность связывалась напрямую со Старорусской богадельней (РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1840. Д. 265. Л. 15 об., 137–137 об.).

Тот факт, что монастырь обеспечивал требами достаточно большое пространство всего уезда, отражен в организации внутренней жизни служителей обители. Насколько можно судить по документам, среди наставников монастыря имелся главный, все время проживавший при

богадельне. В 1850-х гг. это был упоминавшийся ранее мещанин Иван Малафеев. Помимо религиозных функций настоятеля, он также ведал монастырской казной. При нем служили другие наставники – Петр Симонов, Потап Григорьев Воевский, Давыд Карпов, Артемий Михайлов и его сын Архип. Трое последних пользовались особым уважением староверов в деревнях уезда и почти всегда находились в разъездах по трем. Чиновник отмечал, что они «будучи начитаны легко управляют умами невежественных простолюдинов <...> богаты, имеют свой дом в Старой Руссе» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 435 об.). Более подчиненную функцию выполняли псаломщики, помогавшие на богослужениях (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 436). Вероятно, такая система поддерживалась и в дальнейшем. Более поздние документы также фиксируют наличие при богадельне нескольких наставников, часть которых жила за пределами обители. Так, инок Антоний, числившийся служителем богадельни, большую часть 1890-х гг. проживал в родной деревне Гачки (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1934. Л. 88 об.). Вероятнее всего, с помощью причисления к служителям официально дозволенного молитвенного дома, наставники всего уезда получали своего рода легализацию в глазах властей.

Основную часть населения монастыря составляли пожилые инокини. Они выделялись своим внешним видом – ходили в черных одеждах, а во время богослужения одевали «мантии, каптыри и особого рода шапочки» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 436). Они также могли исполнять требы (крестили детей), а некоторые занимались сбором денег на обитель. При этом сложно судить о наличии иноков среди наставников. Для властей они были простыми крестьянами или мещанами, а ношение иноческого одеяния могло интерпретироваться как «оказательство раскола». Такую дерзость, как публичное ношение мантии и скуфьи, мог позволить себе только инок Антоний, который показывал на допросе: «пою в той одежде в какой сейчас и всегда хожу т. е. в ряске (род подрясника с пуговицами донизу), мантии (перелинка с красным кантом) и камилавке (скуфейка отороченная понизу мерлушкой) и которую надлежит носить мне по иночеству» (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1934. Л. 89).

Кроме наставников, инокинь и псаломщиков, в монастыре проживали трудники обоого пола, а также многочисленные богомольцы. Они приходили как из соседних уездов – Новгородского Новгородской губернии, Осташковского Тверской губернии, Холмского и Порховского Псковской губернии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Л. 436 об.), так и из более дальних мест. Например, в 1860-х гг. в монастырь приезжал на богомолье петербургский купец Дергалов (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 10 об.).

Службы в обители совершались ежедневно. В 1870-х гг. в будни здесь служили вечерни, а утреню и часы читали по Псалтыри. По праздникам и воскресным дням вся служба совершалась по уставу. Певчие и чтецы получали жалование. Например, племянник Агапия Филиппова, служивший на клиросе, получал по 60 рублей в год (Дмитриев, 1889. С. 275). В монастырь поступали и средства на помин души погребенных на кладбище купцов. Кстати, в XIX в. здесь могли погребать не только беспоповцев «соловецкого корня», т. е. федосеевцев и филипповцев, но и поповцев, которые были большой редкостью в Старой Руссе (Усинин, 1889. С. 4).

Многочисленные пожертвования богомольцев и попечителей «богоугодного учреждения», собрание денег сборщиками, доходы от треб, а также пожни, «пожалованные от щедрот блаженной памяти Императрицы Екатерины», способствовали экономическому процветанию монастыря. Когда у наставника Ивана Малахиева спросили, имеются ли в Старорусской богадельне деньги на починку крыши, он ответил: «Мир – золота гора» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. Л. 27 об.). Фактически, монастырь находился полностью на иждивении самого старообрядческого сообщества, и при этом процветал.

Экономическое благосостояние отразилось и на внутреннем убранстве молельной. В сер. XIX в. в ней имелся четырехъярусный иконостас «прекрасной резной работы». Иконы также располагались по боковым стенам в два ряда. Почти все образа были украшены золотыми, серебряными и бронзовыми ризами, некоторые с дорогими камнями и жемчугом. Под иконами висели пелены золотого шитья, перед иконостасом – большие и малые паникадила и лампы. В мужской и женской половинах перед иконами стояло по три аналоя с «Евангелиями» и большими распятиями. Среди наиболее древних и почитаемых образов были иконы Владимирской Божьей Матери, Николы Чудотворца, Иоанна Предтечи, Великомученика Антипы, Тайной вечери, Софии Премудрости Божией, Князя Всеволода и др. Были в иконостасе и редкие по иконографическому типу иконы «Всевидающее око Божие», «Пророк Иона», «Исцеление клирика», «Душевная чистота» и «Блаженное чрево» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 434 об.).

Особой гордостью обители была ее библиотека. В сер. XIX в. чиновник Арсеньев насчитал в часовне не менее 200 или 250 томов, отмечая, что «в старорусском монастыре едва ли не все книги и издания, коими дорожат беспоповцы» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 435). Среди них он называл «Апокалипсисы» с толкованиями, «Потребники» и «Миней», неизвестное рукописное сочинение «Ответы раскольника на вопросы православного» с «ужасными хулами» на государственную церковь, семь «весьма древних» «Евангелий» и

многие другие. Книги располагались в специальных шкафах вдоль всех стен моленной (кроме иконостаса).

Такое разнообразие икон и книг вызвало попытки противников старообрядчества изъять это богатство из «гнезда раскола». В 1880 г. Новгородская Духовная Консистория запросила у губернатора дозволения отобрать книги для освидетельствования, а иконы досмотреть на месте «с тем, чтобы против каждой иконы сделана была отметка <...> протоиереев, какие иконы написаны в православном духе и какие в раскольническом» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 2). С целью проверки правомочности запроса духовенства в монастырь прибыл чиновник по особым поручениям Раннефт. Он пришел к выводу, что Консистория не имеет права на изъятие книг и освидетельствование икон, так как моленная действует легально (РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. Л. 1–2). Благодаря столь благоприятному исходу дела для старообрядцев, современные исследователи лишены возможности более подробно узнать состав иконостаса и библиотеки Старорусского старообрядческого монастыря, так как почти все вышеперечисленное погибло в годы Второй мировой войны.

Тем не менее, представление о книжной культуре Старорусской богадельни дает ряд памятников, хранящихся в фондах Новгородского музея-заповедника. Это десять книг, переписанных Прокофием Даниловым, который проживал в Старорусской старообрядческой богадельне в 1870–1880-х гг. (рис. 5, 6). Среди них имеются как богослужебные («Потребник малый» (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/372. КР-348), «Великий канон Андрея Критского» (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/98. КР-221) и др.), так и учительные книги, в том числе полемические сборники. В частности, Прокофий Данилов переписал «Историю о отцах и страдальцах соловецких» (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/313. КР-310. Л. 218–310), «Жития» Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/36. КР-189. Л. 2–12), федосеевские полемические выписки о том, что «Кроме убо благословения и венчания иерейскаго брак не состоится» (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/377. КР-351. Л. 36–43 об.). В его сборниках также содержатся выписки из «Поморских ответов», «Седмитолкового Апокалипсиса», «Повести о патриархе Никоне», а также «Пролога».

Вполне возможно, что Прокофий Данилович в своей работе при составлении сборников пользовался книгами Старорусской богадельни. То, что он числился служителем при моленной монастыря в 1880-х гг., устанавливается по адресу письма, отправленного ему крестьянином д. Колоколов Крестецкого уезда Никитой Федоровым. В нем последний просит «родимого братца» Прокофия Даниловича сотворить «святую молитву» по своей умершей тетке на сороковой день (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 25999/88. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 19).



Рис. 5. Рисунок Прокофия Даниловича, изображающий молитвенную руку и двуперстное сложение креста, «Сборник» агнографический, вт. пол. XIX в. (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/36. КР-189. Л. 35)

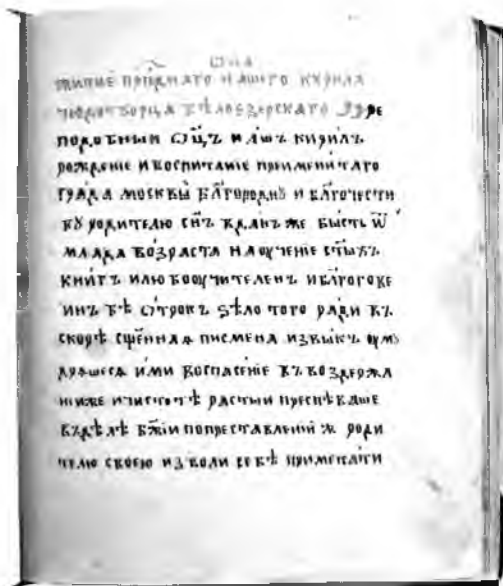


Рис. 6. Начальный лист «Сборника», переписанного Прокофием Даниловичем, вт. пол. XIX в. (ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/36. КР-189. Л. 1)

Как видно из приведенных выше документов, как минимум до нач. XX в., насельники Старорусского монастыря исповедовали взгляды федосеевского согласия. При этом они почитали и ранних поморских учителей, которых федосеевцы также считали «своими». Так, в нач. XIX в. благочинный отмечал, что «в старорусском федосианском секте поморских наставников видимы портреты выставленные в моленной или кладбищенской часовне» (РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 148 об.). В сер. XIX в. чиновник Арсеньев отмечал, что портреты «учителей и наставников федосеевского толка» Аввакума, Феодосия Косого (sic!), попа Логина, диакона Савватия, старцев Епифания и Фирса «можно найти почти в каждом доме» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 432 об.). Таким способом поддерживалась историческая память о раннем старообрядчестве и обосновывалась преемственность от предшествовавших исторических форм староверия. Эта преемственность была практически прервана событиями войны 1941–1945 гг., в огне которой погибло культурное достояние Старорусского старообрядческого монастыря.

Историческая память о монастыре в XXI в.

Несмотря на то, что Старая Русса сильно пострадала в войну и значительная часть коренного местного населения покинула город, практически в первые послевоенные годы общинная жизнь здесь возро-

дилась. Основу старообрядческой общины после войны составили выходцы из соседних районов образованной в 1944 г. Новгородской области, некогда поддерживавшие связь со Старорусским старообрядческим монастырем. Эти связи нашли отражение в устной исторической памяти населения региона. Большое число информантов называют именно Старую Руссу основным центром средоточия духовной жизни старообрядцев в первой пол. XX в. Жители Пестовского района вспоминают, что здесь до войны была старообрядческая школа, где обучали пению (ПМА, д. Карельское Пестово Пестовского района Новгородской области. 07.07.2015 г.). В старорусскую моленную ходили на службы, например, жители Поддорского района со своими детьми (ПМА, с. Белебёлка Поддорского района Новгородской области. 02.07.2019 г.).

Некоторые из прихожан старообрядческого храма Николы Чудотворца в Старой Руссе, чьи родители жили в городе до войны, также знают о некогда существовавшем кладбищенском комплексе: «Церковь была большая, деревянная. С куполом была, большой был иконостас деревянный. <...> Перед этой церковью была сторожка, там была бабушка, сидела. Умывальник висел и полотенце висело. А до церкви от кладбища была дорожка <...> И перед кладбищем у нас была часовенка. Крестов было много, разных, красивых, разных всяких» (ПМА, г. Старая Русса Новгородской области. 21.05.2020 г.). Наставника, служившего перед войной, звали Мартемьян.

Историческая память о монастыре сохраняется не только в воспоминаниях прихожан, но и в современных богослужебных практиках общины, официально зарегистрированной в 1985 г. (после 1945 г. группа верующих существовала нелегально) (ГАНУ. Ф. Р-4110. Оп. 5. Д. 42). В частности, по словам нынешнего наставника Г. И. Косолапова, в Старой Руссе, помимо престольного праздника Никольского старообрядческого храма, также особым почитанием пользуется память великомученика Георгия. Этот святой упоминается в произносящейся на каждой службе молитве-«отпусте», переписанной с более раннего рукописного листа. По мнению наставника, это связано с тем, что день памяти Георгия был престольным праздником прежней моленной, уничтоженной в войну (ПМА, г. Старая Русса Новгородской области. 06.05.2020 г.). Некоторые помянники общины, вероятно, переписанные с более ранних, содержат имя инока Антония (Агапия Филиппова), деятельность которого была связана со Старорусской богадельней.

О существовании старообрядческого кладбища знают также жители жилого района, ныне частично располагающегося на территории монастыря. В памяти удерживается тот факт, что в войну на кладбище хоронили немцев, останки которых были вырыты во время постройки перевалочной базы в 1972 г. Иногда кладбище ошибочно называют еврейским, что, вероятно, является отражением представлений о его иноконфессиональности: «Оно называется еврейским кладбищем, но похоронены были и православные, и всякие... И староверы там, вот как мой же

дядька, он же тоже старовер» (ПМА, г. Старая Русса Новгородской области. 06.05.2020 г.). При этом дядьку информанта в войну застрелили немцы, когда он хотел перебежать к партизанам.

В послевоенные годы на разрушенное кладбище практически не ходили, плиты от захоронений даже использовали в строительстве домов. Некоторые из информантов вспоминают вязовую аллею, ведущую к кладбищу, остатки которой сохранились до сих пор. Из монастырских построек нынешним жителям района известна кладбищенская часовня и колодец, засыпанный в 1970-е гг.

Таким образом, наиболее сохранна и разнообразна историческая память о старообрядческом монастыре и кладбище Старой Руссы среди местного староверческого сообщества.

На протяжении более полутора столетий это место являлось средоточием духовной жизни старообрядцев достаточно обширного региона. Документы показывают, что изначально богадельня создавалась как своеобразный форпост московских федосеевцев на территории, где существовали сильные общины их ближайших оппонентов – титловцев и филипповцев. Со временем легальное положение монастыря и возможность узаконить через него деятельность наставников в Старорусском и соседних с ним уездах, сделали его крупнейшим оплотом местного старообрядчества. В конечном счете, он консолидировал старообрядцев всех направлений, некогда существовавших здесь порознь. Эту функцию монастырь выполнял вплоть до уничтожения в военные годы, создав мощный импульс к возрождению общинной жизни в разрушенном городе уже во второй половине 1940-х годов. По этой причине нынешняя старообрядческая поморская община Старой Руссы может считаться в значительной степени исторической преемницей Старорусского старообрядческого монастыря.

Литература и источники

Бороздин М. Ф. Воспоминания // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб.: Русская старина, 1871. С. 1–24.

ГАНУ. Ф. Р-4110. Оп. 5. Д. 42. Регистрационное дело религиозного общества старообрядцев поморского толка г. Старая Русса.

Дмитриев И. Сказание о жизни в расколе и обращении к церкви Православной бывшего крестьянина Новгородской губернии Старорусского уезда Ивана Дмитриева // Архангельские епархиальные ведомости. 1889. № 16. С. 273–285.

Евстафьев П. П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 году. М.: Изд-во об-ва политкаторжан, 1934. 253 с.

Ивановский Н. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1887. Ч. 1. 254 с.

Макарий (Миролюбов), архимандрит. Церковно-историческое описание города Старой Русы, содержащее в себе сведения о старорусских церквях, спасском монастыре и духовном училище. Новгород: б/и, 1866. 120 с.

Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: Сова, 2006. 561 с.

Полянский М. И. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород: б/и, 1885. 471 с.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/372. КР-348. Потребник малый. Вт. пол. XIX в.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/98. КР-221. Великий канон Андрея Критского. Вт. пол. XIX в.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/313. КР-310. Сборник богослужебный и поучительный. Вт. пол. XIX в.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/36. КР-189. Сборник агиографический. Вт. пол. XIX в.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 30056/377. КР-351. Сборник полемический. Вт. пол. XIX в.

ОПИ НГОМЗ. НГМ КП 25999/88. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 19. Письмо старообрядца Федорова Н. из Рахинской волости Крестецкого уезда в старообрядческую моленную г. Старая Русса служащему Прокофию Даниловичу о жизни общины

Полевые материалы автора (далее – ПМА), д. Карельское Пестово Пестовского района Новгородской области. 07.07.2015 г.

ПМА, с. Белебёлка Поддорского района Новгородской области. 02.07.2019 г.

ПМА, г. Старая Русса Новгородской области. 21.05.2020 г.

ПМА, г. Старая Русса Новгородской области. 06.05.2020 г.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1895. Дело по обвинению мещанки г. Старая Русса А. Павловой в обращении своих детей в раскол.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1910. Дело по обвинению мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в крещении и отпевании новорожденного по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1912. Дело по обвинению мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в совершении погребения по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1915. Дело по обвинению мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в совершении отпевания по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1934. Дело по обвинению крестьянина д. Старина Старорусского уезда К. Никифорова и мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в совершении погребения по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1942. Дело по обвинению крестьян д. Сельцо Старорусского уезда А. Кукова и А. Максимова в совершении погребения по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1946. Дело по обвинению крестьянина д. Гачек Старорусского уезда П. Парфенова и мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в совершении погребения по старому обряду.

РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1950. Дело по обвинению мещанина г. Старая Русса А. Филиппова в совершении отпевания по старому обряду.

РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 133. По всеподданейшему прошению Старорусских старообрядцев о дозволении им построить на их кладбище часовню и богадельню.

РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Со сведениями о раскольниках в Новгородской епархии.

РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 444. Ведомости о старообрядческих общинах в алфавите губерний за 1907–1914 гг.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1840. Д. 265. По донесению исправляющего должность Псковского Гражданского губернатора о крестьянах Великолуцкого уезда Трофиме Иванове, Герасиме Изотове, Иване Михайлове, Иване Кондратьеве, сужденных за распространение раскола и о крестьянах Вязовского удельного приказа /что ныне Государственных имуществ/ о отступивших от Православия в раскол и о проч.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. 1853. Д. 480в. Отчет действительного статского советника Арсеньева о состоянии раскола в Новгородской губернии и в Новолодожском уезде Петербургской губернии.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 24. По отношению Генерал от инфантерии Графа Толстого, о высланных из города Старой Руссы мещанах: С. Петербургском Семенове, Невельском Корпелеве, Крестецком Платонове и Витебском крестьянине Устинове за отправление богослужения в заведенной Купеческою женою Бычецкою раскольнической моленной.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. 1865. Д. 53. По прошению старорусских купцов П. Соловухина, М. Худякова и мещанина Г. Федорова о разрешении им перекрыть крышу на существующей с 1805 г. на Старорусском старообрядческом кладбище богадельне для призрения бедных и престарелых сирот и в моленной их дозволить им продолжать чтение псалтыря и поминовение усопших.

РГИА. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 85. Свод официальных сведений о раскольнических молитвенных зданиях в Империи.

Усинин А. Впечатления и мысли очевидца раскольнических похорон в г. Старой Руссе. Старая Русса: Тип. Н. Г. Осипова, 1889. 12 с.

Филипповское родословие: исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки / публ., пред. и комм. А. А. Исэрова. М.: Археодоксия, 2004. 88 с.